

Глава 33. Старик сыграл в ящик

Провинция Сяньби.

В небесах промчался очередной отряд воинов-практиков, оставив за собой переливающийся радужный след.

Ху Лэ опустил деревянный пестик и заворожённо смотрел, как медленно тает и рассеивается в воздухе светящийся хвост. Отряд летел в сторону округа Вэньцзинь. О том, что там творится неладное, парень знал уже давно, но когда за один только день в том направлении пронеслись десятки тысяч воинов, стало ясно: дело принимает совсем скверный оборот.

В провинции Сяньби царила паника.

— Чего уставился?! — рявкнул надсмотрщик.

Вздрогнув от неожиданности, Ху Лэ поспешно вернулся к работе. Он принялся с удвоенной силой толочь в каменной ступе душистые травы. Чем мельче становилось сырьё, тем гуще и причудливее становился аромат, заполнявший всю мастерскую.

Всего несколько дней назад, стоило Ху Лэ получить письмо из Цан Доушаня, как надсмотрщик семьи Хуан без лишних слов выставил его за ворота, даже не выплатив расчёт. От злости и обиды Ху Лэ едва не кинулся на него с кулаками, но силы оказались неравны: один против целой своры он выстоять не смог.

Прижатый нуждой, он нанялся чернорабочим в другую лавку благовоний. Теперь ему приходилось ежедневно перемалывать сотни цзиней пахучего сырья — от приторно-сладкого запаха его уже тошнило.

Ху Лэ краем уха уловил разговор отошедшего в сторону надсмотрщика с управляющим. Тот с тревогой шептал, что префектура Ниншань взята в плотное кольцо осады. Мол, неизвестно, жив ли хозяин, и не пора ли прихватить казну да делать ноги. Управляющий в ответ сердито шикнул, велев не забивать голову чепухой и заниматься делом.

— Ниншань крепка как скала, к тому же это главная житница империи. Власти костями лягут, а город спасут. Так что работай давай и поменьше чеши языком.

Надсмотрщик согласно закивал, но стоило управляющему скрыться из виду, как он сплюнул и пробормотал под нос:

— Да в гробу я видел эти власти! Какой от них прок...

Ху Лэ невольно задумался. Он вспомнил дни, проведённые в Обители Бессмертного Чайника, когда они с Цан Доушанем увлечённо копали тайный амбар. Потом босс Хуан прислал сумки-хранилища, и надобность в подполье отпала, однако вырытую яму закапывать не стали. Её укрепили, превратив в узкий вертикальный лаз.

А ещё хозяин соседней с Обителью лавки недавно вывесил объявление о продаже дома. Ху Лэ сам видел, как Вэйшэн о чём-то увлечённо толковал с этим торговцем — судя по всему, они яростно торговались.

В округе Вэньцзинь полыхал пожар войны, да и в префектуре Ниншань тучи сгущались с каждым часом. Что, если мятежники прорвут оборону и хозяин погибнет?..

Закончив с одной порцией душистых листьев, Ху Лэ принялся за следующую. Он размял затёкшие плечи и только занёс пестик, как в мастерскую, тяжело дыша, влетел один из работяг.

— Ху Лэ! Твоего старика... забили насмерть!

Ху Лэ застыл на месте.

— Что?.. Кто?

— Да дед твой! Помер! На пристани лежит, в луже крови!

Ху Лэ оцепенел, не в силах осознать услышанное. Сосед по верстаку толкнул его в плечо:

— Чего застыл? Беги скорее, пока бродячие псы тело не обглодали!

В ушах у Ху Лэ противно зазвенело. Деревянный пестик со стуком покатился по полу. Ноги сделались ватными, но он, повинувшись какому-то животному порыву, выбежал наружу и сломя голову помчался к пристани Бананового Листа.

Пристань Бананового Листа испокон веков служила главными речными воротами, через которые из провинции Сяньби вывозили благовония. Однако несколько дней назад власти перекрыли речные пути, и некогда бурлившая жизнью гавань в одночасье опустела. Теперь у берега сиротливо покачивались лишь несколько рыбацких лодок, а водружённые на берегу ритуальные флаги уныло хлопали на пронизывающем ветру. Ещё издали Ху Лэ заметил распластанное на мостовой тело. Под ним расплывалось огромное тёмно-красное пятно.

Ху Лэ подбежал ближе и обомлел. Старик лежал на спине, уставившись в серое небо остекленевшими глазами. В его лбу зияли три аккуратные круглые раны, пробившие череп насквозь. Вся кровь уже вытекла, пропитав дорожную пыль.

Всё было кончено.

Ху Лэ стоял над трупом, не в силах заплакать.

«Как же так? — стучало в висках. — Он ведь был сильным... Как его могли убить так просто? Это же глупая шутка, верно?»

Он простоял так довольно долго, прежде чем решился опуститься на колени и коснуться шеи старика. Кожа была ледяной.

Куда теперь? Закинув окоченевшее тело на спину, Ху Лэ побрёл прочь. Немного придя в себя, он вспомнил, что неподалёку находится поминальный дом. Рядом с ним всегда теснились лавки гробовщиков, торговцев бумажными венками и ритуальными деньгами — там испокон веков снаряжали в последний путь местных рыбаков.

В поминальном доме могильщики помогли ему уложить покойника на деревянные мостки и принесли чан с водой, чтобы обмыть лицо. Едва тело коснулось досок, один из работников охнул:

— Батюшки, да это же след от остроги!

Старый гробовщик подошёл ближе, осторожно повернул окровавленную голову:

— Точно, трёхзубая рыбацкая острога. Одним ударом череп просадить — это какую силу надо иметь.

Оцепенение Ху Лэ наконец немного рассеялось.

— Дяденька, вы знаете, чьих это рук дело?

— А кого ж ещё, кроме парней из банды Тэншэ, — вздохнул старик, стирая влажной тряпкой запёкшуюся кровь с затылка покойного и разрезая окровавленное тряпье. — Только у них такие повадки. Но ты, парень, лучше помалкивай. Жизнь человеческая дешёвая штука, а против рожна не попрёшь. Банда Тэншэ здесь силу имеет, у них и в управе всё схвачено. Забьют до смерти — никто и не почешется. Ты сам-то дорогу им не переходил? Они обычно простых работяг не трогают, если те исправно мзду платят... Хотя есть там один, Рыбий Призрак. Тот как напьётся, хватается за свою острогу и давай крушить всё подряд. Верно говорю, его почерк.

Банда Тэншэ. Рыбий Призрак.

В памяти Ху Лэ мгновенно всплыли мрачные слухи. Банда Тэншэ держала в страхе всю

пристань Бананового Листа: каждый купец и лодочник платил им дань за право причалить. Рыбий Призрак же был их самым грозным цепным псом. Выходец из простых рыбаков, он умудрился достичь стадии Начала Пути и стал главным козырем банды. Он обожал крепкое вино, а во хмелю становился совершенно неуправляем — крушил лавки и калечил людей, так что даже стражники предпочитали обходить его стороной.

Помощники гробовщика обмыли тело и обрядили покойника в просторный погребальный халат ярко-красного цвета. На исхудавшем, высохшем теле старика одежда висела мешком.

Старый мастер бережно причесал редкие седые волосы, пытаясь хоть немного скрыть страшные дыры в черепе. Четверо дюжих парней переложили усопшего в сосновый гроб и заколотили крышку тяжёлыми гвоздями. На спешно сколоченный алтарь выставили чаши с курениями и дешёвые плоды. На голову Ху Лэ натянули белую холщовую шапку, велели отвесить три поклона и бросить в жаровню пачку ритуальных денег. Хлипкий даос в засаленной рясе, заунывно бубня заклинания, трижды обошёл вокруг гроба, мерно побрякивая медными тарелками. На этом обряд завершился — поминальный стол убрали, готовя домовину к выносу.

Для бедняков похороны всегда были делом нехитрым и скорым. Заплатил монету — и к вечеру покойник уже спит в сырой земле.

Когда Ху Лэ, едва держась на ногах, вернулся в мастерскую, надсмотрщик осыпал его отборной бранью за прогул. Впрочем, парню было плевать — слова пролетали мимо ушей.

Со смертью старика его мир в одночасье опустел. Несколько дней Ху Лэ существовал словно в тумане, механически выполняя работу, пока по провинции Сяньби не разнеслась страшная весть: префектура Ниншань пала. Город взят штурмом. В ту же секунду остатки порядка рухнули, погрузив провинцию в первобытный хаос.

В мастерской вспыхнул бунт: надсмотрщик сцепился с управляющим. Они катались по полу, щедро награждая друг друга тумаками, а толпа рабочих с улюлюканьем и хохотом обступила дерущихся. Пользуясь суматохой, Ху Лэ шмыгнул в кабинет управляющего.

Внутри царил разгром — видимо, потасовка началась именно здесь. Перешагивая через разорванные гроссбухи, Ху Лэ бросился к книжному шкафу. Запустив руку за пыльные фолианты, он нащупал несколько набитых сумок-хранилищ. На каждом красовался ярлык — готовые к отправке партии ценной душистой травы. Их должны были забрать перекупщики, но теперь, когда хозяин лавки сгинул, а покупатели, скорее всего, тоже были мертвы, товар оказался никому не нужен.

Ху Лэ лихорадочно перерыл всё и наконец нашёл увесистый кожаный кошель. Отсчитав ровно столько монет, сколько ему задолжали за каторжный труд, он сунул их за пазуху, бросился в свою каморку, наспех покидал нехитрые пожитки в узел и перемахнул через забор.

Вся провинция Сяньби сошла с ума.

Почти девять десятых местного населения так или иначе кормились за счёт торговли благовониями. Но когда в осаждённой префектуре Ниншань погибли почти все крупные купцы и владельцы плантаций, экономика региона мгновенно разлетелась в щепки. Это был смертный приговор для тысяч семей.

На пристани Бананового Листа вовсю полыхали пришвартованные торговые баржи. На обочинах дорог валялись изувеченные тела с вывернутыми суставами. Разъярённая толпа громила лавки богатеев, выкрикивая проклятия в адрес беглых торговцев. Ху Лэ прибавил шаг. Куда-то исчезли недавний страх и оцепенение; наоборот, этот безумный, разваливающийся на куски мир вызывал в его груди странное, почти восторженное ликование.

Пусть всё горит синим пламенем.

На улицы вышли немногочисленные отряды стражников-практиков. Они без суда и следствия казнили мародёров, смывая кровью хаос. Но Ху Лэ, прижимавший к себе узел с вещами, выглядел как обычный беженец, и до него никому не было дела.

Сил у властей катастрофически не хватало, и этим поспешили воспользоваться головорезы из банды Тэншэ. Под предлогом наведения порядка они открыто грабили уцелевшие лавки, вымогали у оставшихся без работы управляющих припрятанное серебро и облагали дома непомерной данью.

Именно тогда Ху Лэ снова увидел Рыбьего Призрака.

Даже если бы Ху Лэ не знал, как выглядит этот палач, чьим именем матери пугали непослушных детей, он бы узнал его из тысячи.

Уродливый свирепый громила сжимал в руках начищенный до блеска восьмизубый рыбий трезубец. Заточенные до бритвенной остроты зубья холодно поблёскивали на солнце, а на поясе покачивался объёмистый кожаный бурдюк, от которого разило дешёвой сивухой.

Прямо на глазах у Ху Лэ этот ублюдок с размаху вонзил трезубец в лицо какому-то несчастному. Тот рухнул навзничь, захлёбываясь кровью из аккуратных глубоких ран.

От этого зрелища Ху Лэ едва не вывернуло наизнанку.

А Рыбий Призрак лишь раскатисто расхохотался, сорвал с пояса бурдюк и сделал глубокий глоток, довольно утираясь рукавом.

Ху Лэ поспешил убраться подальше, а в его голове набатом стучала одна мысль: как убить эту тварь?

Он должен отомстить. Чего бы это ни стоило.

Но сколько парень ни размышлял, он не находил выхода. Острога Рыбьего Призрака была не просто рыбацким инструментом — это было грозное духовное оружие, артефакт, против которого у Ху Лэ, не имевшего за душой ни гроша, не было никаких шансов.

Меч, копьё, топор? У него не было денег на покупку оружия, да и в охваченном паникой городе никто бы не продал ему клинок. Бессилие душило его, подступая к горлу горькими слезами.

Вечером, устроившись в заброшенном переулке, он развёл крохотный костёр и принялся жечь ритуальную бумагу, моля дух покойного старика о помощи.

Но пламя лишь безмолвно сожрало дешёвые листы, оставив после себя горстку серого пепла. Чуда не случилось.

Ху Лэ опустил голову на колени и зарыдал.

Впервые со дня гибели старика он плакал навзрыд, содрогаясь всем телом от глухой, раздирающей грудь боли. Безысходность сдавила его тисками. Выхода не было. Совсем. Он оказался на самом дне, и в его голову начали закрадываться мрачные мысли о смерти.

Пока он размазывал по лицу грязь и слёзы, за его спиной слышались тихие шаги. Решив, что это патруль стражников, Ху Лэ испуганно обернулся, но перед ним стоял другой человек.

Это был тощий, как скелет, мужчина в поношенном сером плаще, но его глубоко посаженные глаза светились странным, лихорадочным блеском.

— Чего ревёшь, малец? — негромко спросил незнакомец.

Ху Лэ открыл было рот, но вместо слов из его горла вырвался лишь жалкий хрип. Слёзы душили его, заставляя чувствовать себя беспомощным ребёнком.

Как же глупо и стыдно... Он яростно тёр лицо рукавом, не в силах вымолвить ни слова.

— Хочешь отомстить? Я могу помочь.

Ху Лэ замер. Неужели это правда? Он с трудом сглотнул подступивший к горлу ком и хрипло спросил:

— Как?.. Что я должен сделать?

— Моя помощь не бесплатна, — сухо обронил незнакомец.

Ху Лэ внутренне подобрался, предчувствуя неладное.

— Мне нужна одна вещица, которая хранится у твоего прежнего хозяина. Глиняная чаша, украшенная узором из семнадцати звёзд. Её называют Чашей Белых Облаков номер семнадцать.

Прежний хозяин?.. В голове у Ху Лэ воцарился сумбур.

— О ком именно вы говорите?

— О твоём прежнем хозяине, — веско повторил тощий мужчина. — Мне нужна только эта чаша. Я готов помочь тебе прямо сейчас, но взамен ты обязуешься рано или поздно добыть для меня Чашу номер семнадцать. Идёт?

Ху Лэ сжал кулаки. Выбора у него не было.

— Хорошо... Я согласен.

<http://bllate.org/book/18329/1865570>